

Г. Кара-Мурза¹

Марксизм и буржуазная синология

От редакции

Публикуемая ниже статья — единственный найденный нами материал, полностью посвященный методологии китаеведения, напечатанный в одном из предшественников «Российского китаеведения» — журнале «Проблемы Китая» за все годы его существования с 1929 по 1935 г. На наш взгляд, она представляет большой исторический интерес, что, конечно, не означает, что мы во всем согласны с ее автором. Формально в статье поднимаются важные вопросы: соотношение между общим и особенным в китайском обществе и культуре, роль китаеведения как части гуманитарной науки в обществе, должно ли оно служить инструментом для достижения политических целей или исключительно объективному познанию. Если бы эти вопросы обсуждались в спокойной обстановке, наверное, статья бы имела лишь академическое значение. Но ее стиль полностью отвечает обстановке идеологических баталий в СССР в 1930-е годы. Попытки втиснуть китайские исследования в жесткие рамки примитивно понятого марксизма, заставить науку служить «пролетариату» сегодня звучат странно, а некоторые предложения (типа перевода на русский язык только поэтов, поддерживающих пролетариат, или предсказание скорого перехода китайского языка на латинскую письменность, потому что так он станет понятнее народным массам) — даже комично. А гневное осуждение конкретных заслуженных китаеведов в принадлежности к «школе буржуазной синологии» вообще в то время звучало как донос (который, к сожалению, во многих случаях привел к репрессиям). Тем не менее, а, точнее, именно поэтому данная статья является важным историческим документом, с которым, как нам кажется, будет небезынтересно ознакомиться нашим читателям.

Редакция журнала «Российское китаеведение»

---

¹ Впервые опубликовано в журнале «Проблемы Китая», № 4, 1930, с. 105—118. Георгий Сергеевич Кара-Мурза (1906—1945) — советский историк-китаевед. Погиб на фронте во время освобождения Северо-Восточного Китая. Самолёт, на котором он летел, был сбит японцами над Маньчжурией. — *Прим. ред.*

* * *

В настоящее время, в период общего обострения классовой борьбы в стране, фронт идеологической борьбы приобретает особое значение. Активизация враждебных сил в различных областях науки со всей резкостью ставит вопрос о необходимости большей четкости в вопросах борьбы с враждебными марксистскими тенденциями. Наступление марксизма по всем участкам идеологического фронта, являющееся одним из русел борьбы за социализм, ставит на очередь и смотр сил того участка идеологического фронта, который именуется «китаеведением». Этот участок, т. е. совокупность ряда марксистских дисциплин в их применении к Китаю, является одним из наиболее отсталых участков фронта, одним из тех участков, где наиболее сильны позиции старой буржуазной науки, оставившей нам в наследие свое «китаеведение» и целую «школу» — живых носителей буржуазной «синологии».

I

Самое понятие «китаеведение» (равно как, разумеется, и «востоковедение») есть наследие буржуазной науки, видевшей в Китае (и в Востоке) особый мир со свойственными только ему законами развития, требовавшими особой науки. Буржуазное китаеведение есть идеологическое оружие колониальной политики империализма, породившего эту науку и ее носителей — узкую касту «синологов», в основе своей комплектовавшихся из миссионеров, консулов и коммерческих агентов иностранного капитализма. Буржуазное китаеведение в своем служении империализму с течением времени создало то извращенное представление о Китае, которое во многих вопросах не изжито нами и до сих пор. Специфическая трудность китайского языка, требующего многие годы для изучения, являлась условием создания той науки, того «китаеведения» и той «синологии», в которых языковедение было основным стержнем, заменявшим собой методологию, и возводилось в степень основного и единственного оружия в познании «тайн» Китая. Именно филология являлась и является тем стержнем старой «синологии», который пронизывал собой все работы по китайской истории, по китайской философии и по другим вопросам Китая.

Марксизм совершенно по-новому поставил вопрос об изучении Китая, об изучении колониальных стран Востока. В построении того нового «китаеведения», которое служит задачам колониальных революций в их движении к социализму, марксизм целиком отказался от наследия старой науки. Никакой преемственности между старой и новой наукой, изучающей Китай, нет, ибо марксистское «китаеведение» растет из других классовых корней питается иными идеологическими соками, ставит себе иные цели в изучении Китая и имеет в основном отличные от буржуазной науки объекты изучения. Нет китаеведения вообще, есть буржуазное китаеведение — служившее и служащее империализму, в наших советских условиях свято хранящее традиции «объективной», «аполитичной» науки, и есть марксистско-ленинское «китаеведение» — боевое оружие партии и Коминтерна во всестороннем теоретическом обслуживании китайской революции. Основными этапами в развитии буржуазного «китаеведения» были этапы колониального закабаления Китая: практика колониального грабежа находила всестороннее отражение в теоретических изысканиях буржуазной науки.

Основными этапами в развитии марксистско-ленинской науки о Китае, основы которой были заложены в трудах основоположников марксизма, явились этапы китайской революционной борьбы: в теоретических обобщениях марксистско-ленинского «китаеведения» находила свое отражение практика китайской революции. Марксистско-ленинское «китаеведение», выросшее как теоретическое оружие ленинизма, окрепло в борьбе за чистоту ленинской линии. Борьба с троцкизмом в период великой китайской революции 1925—1927 гг. всесторонне укрепила позиции марксистской науки и в вопросах изучения характера и движущих сил китайской революции, и в вопросах китайской истории, и в вопросах современной китайской экономики, способа производства, господствующего в Китае, и т. п. В борьбе с правым оппортунизмом и китайским чэньдусюизмом марксистская наука углубила изучение Китая по линии характера нынешнего этапа китайской революции о путях развития Китая, о роли пролетариата, крестьянства и буржуазии в ней.

Мы берем в кавычки термин «китаеведение», ибо для марксизма, разумеется, не существует «китаеведения» как особой науки, со специфической, именно ей присущей формой движения. Для марксиста-историка Китай представляет собой такой же объект изучения, как и Россия или Германия, равно как и для марксиста-философа, или литературоведа китайская философия и литература представляют собой такие же объекты изучения, как, например, философия Греции или испанская литература. Исключительная специфичность Китая — это легенда, порожденная буржуазной наукой, ибо Китай развивался и развивается, следуя тем же установленным Марксом законам развития, и для марксизма нет необходимости создать особую науку «китаеведения».

Совершенно иначе подходит к этому вопросу буржуазная наука. Для нее Китай — «страна неиссякаемых тайн», «страна загадок и сюрпризов», «страна, отгороженная от европейского миропонимания вековой стеной». Естественное в условиях буржуазного общества, культивирующего легенды о чудесах Востока, для оправдания колониального грабежа, подобное понимание является резко враждебным марксистскому мировоззрению. Но приведенные нами определения «специфичности» Китая, взятые нами в кавычки, процитированы не из трудов иностранных «синологов» или русских книг, написанных до революции, это — определение Китая, данное в передовой статье нового печатного органа, владивостокского «Общества востоковедения», и не так давно выступившего с попыткой обосновать «китаеведение» как науку. Рассматривая Дальний Восток как особый совершенно своеобразный мир со своими законами развития, передовая «Бюллетеня общества востоковедения» призывает к созданию особой самостоятельной науки, построенной на иных, отличных от марксизма методологических основах: «Судить японцев или китайцев, — пишет автор передовой, — по аналогии с народами Европы предоставим людям, умеющим “творить по трафарету”, по тем, кто понимают, что творчества в трафарете не бывает, — им такой метод не годится.

...Задача должна быть поставлена самостоятельно, должен быть найден критерий, должен быть приновлен метод, должна быть создана самостоятельная в соответствующем виде школа для понимания прошлого, настоящего и

будущего народов Дальневосточной Азии... Должен быть найден ключ к китайской мысли и быту, к китайской истории и политике. С европейским ключом по аналогии тут делать нечего»¹.

Вряд ли можно сомневаться в том, что для автора «трафаретом» является марксистская методология, «судящая китайцев по аналогии с европейцами», что призыв к созданию самостоятельной «школы», «метода», «критерия» и «ключа» есть открытый выпад буржуазной науки против марксизма. Наличие подобных пропагандируемых в нашей печати, с наших трибун и кафедр «теорий», равно как и ряд других фактов (Всеукраинский съезд востоковедов и т. п.) сигнализируют опасность и требуют более решительной борьбы с враждебными марксизму тенденциями и на нашем участке идеологического фронта.

Но что представляет собой буржуазная синология в наших условиях в условиях пролетарского государства, где основная классовая база буржуазной синологии, на потребу которой она росла и развивалась, уничтожена тринадцать лет назад? Лишившись своей базы, русская буржуазная, вернее буржуазно-помещичья «синология замкнулась в изучении мертвого Китая, в изучении китайской древности, «духовной культуры», китайской экзотики, древнего классического языка. — «литературного достояния Китая, которое, по уверению проф. Алексева², главы русской «школы» буржуазной синологии — является родным и близким независимо от политической моды».

По своему идеологическому содержанию буржуазная «синология», продолжающая существовать, есть идеалистическое течение, рассматривающее китайское общество, китайскую литературу, историю как величины, производные от идейной истории «великой страны»³. Изучая китайскую литературу, буржуазная «синология», разумеется, не изучает те социальные отношения, которые породили литературу, а «стремится проникнуть в начало ее идейной истории», игнорирует социальную обусловленность литературы и за «исходный пункт» принимает лишь «основную идею, основное чувство, волновавшее ее первых создателей» Изучая китайскую культуру, буржуазная «синология» рассматривает ее не как явление производное от общества, а, наоборот, как момент, породивший общество, ибо именно «совокупность культурных элементов создали и определили политический и общественный строй китайского народа»⁴.

Но такая «синология» в условиях нашего общества, «синология», превратившаяся в «чистую», «аполитичную» науку, превратившаяся в бессмысленное копа-

---

¹ «Бюллетень общества востоковедения». Изд. О-ва востоковедения при Дальневосточном гос. университете, Владивосток, 1929, № 1, с. 11—14; см. также рецензию «Прорыв на фронте марксистского востоковедения». «Проблемы Китая», № 2.

² Василий Михайлович Алексеев (1881—1951) — советский китаевед, академик РАН. Перевел около тысячи китайских классических произведений более 230 авторов. С конца 1930-х годов подвергался травле и многочисленным проработкам.

³ Алексеев В. Китайская литература, сб. «Литература Востока», ГИЗ, 1920, с. 5.

⁴ Кюннер Н.В. Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры. Владивосток, 1921, с. 4. См. также рецензию на эту работу, Алексева («Записки коллегии востоковедов», т. IV, 1930), где особо подчеркивается правильность этой идеалистической оценки китайской культуры.

ние в древностях, в любовании экзотикой и китайскими «драконами», в изучение теософии — означает еще и большее: она означает уход определенной группы ученых, работающих в СССР, от нашей действительности, ибо игнорирование современных задач, на службу которым могут стать научные силы, есть своеобразная идейная эмиграция, эмиграция в «мертвый» Китай, прикрытая маской академизма, маской «чистой», «аполитичной» науки.

Революция, по-новому поставившая все вопросы науки, до сих пор не затронула академических кабинетов «синологов», мирно копающихся в восточной экзотике, живущих своей жизнью, изолированной от советской общественности. Круг интересов этой части ученых настолько далек от жизни, что часто можно только удивляться их «стойкости» и непроницаемости затхлых руин Академии наук, где, например, «Главные типы китайских заклинательных изображений» и «Описание китайских монетовидных амулетов и благожелательных подписей» почитаются «учеными трудами», возводящими постигшего сии премудрости в священный сан академика. «Бессмертные двойники и даос с золотой жабой в свите бога богатства» — вот, например, «труд», подаренный проф. Алексеевым в бурные годы гражданской войны! «Из области китайского храмового синкретизма»¹ — последнее достижение науки, изданное в 1927 г. в «Ученых записках» Ленинградского восточного института. Не менее удивительно и предисловие к этому характерному для буржуазного востоковедения сборнику, который наряду с указанной статьей включает в себя ряд подобных статей (например, «Древневанский бог Халд-Халдин», «Аристофан о персидских тканях», «Сасанидское блюдо» и т. п.). В предисловии, написанном ректором института т. Воробьевым, этот сборник рассматривается как образец нового современного практического востоковедения. «Этот сборник, — пишет т. Воробьев, — открывает общий путь к разрешению тех больших проблем, которые стоят на пути практического (!) изучения живых (!) восточных языков на строго штучной базе», этот сборник «поможет разрешению стоящих перед современным (!!)-востоковедением задач!» В известной степени это характеризует довольно своеобразное понимание «актуальных» задач «современного востоковедения» не только у старой буржуазной профессуры, но у некоторых из товарищей, руководящих востоковедным образованием. Уже один этот факт говорит о том, насколько сильно влияние старой синологии. Если бы речь шла только о кучке старых ученых, доживающих свой век в тиши академических кабинетов, тешащих себя «великой миссией перед русским народом» и кичащихся своей «культурностью»², то проблема соотношения буржуазной синологии и марксистского «китаеведения» не стояла бы перед нами

¹ См. также «послужной список» трудов акад. Алексеева «Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук» (Ленинград, 1930), звучащий суровым приговором советскому ученому: на 80 напечатанных статей, рецензий и заметок (включая и статьи в вузовской стенгазете!) приложен дополнительный список из 45 (!), неопубликованных работ, т. е. работ, не нужных нашей науке!

² «Мы гордимся, — писал проф. Алексеев, — и имеем на то право, тем, что у нас есть люди с филологическим и вообще научно развитым пониманием Китая, но не надо забывать, что мы находимся теперь при общем падении русской культуры накануне ее исчезновения, быть может с лица земли...» (журн. «Восток», кн. 1, 1922, с. 79).

как проблема борьбы на одном из участков идеологического фронта. Вопрос не в этом и не только в том, что представители буржуазной «синологии» воспитывают новые кадры в советских вузах, усиленно выращивая «свои» кадры, создавая преемственность в традициях синологии, а в том, что буржуазная синология, существующая бок о бок с марксистско-ленинским «китаеведением», оказывает влияние на наше «китаеведение», приспосабливается к нашему «китаеведению» и всей своей десятилетиями созданной научной системой во многих областях еще подчиняет себе наиболее слабые участки нашего «китаеведного» фронта. Приспосабливаясь и влияя на марксистское «китаеведение», буржуазная синология стремится слиться воедино с господствующей наукой, стереть грани, разделяющие эти две враждебные друг другу научные системы, создав одно «китаеведение» с господством в области филологии—«царицы наук» буржуазного востоковедения. И в известной степени ей это удаётся, ибо во многих областях буржуазная синология сохранила свои позиции, между тем как марксизм еще до сих пор почти не приступал к изучению китайской философии, литературы, языка, и именно в этих областях — стержневых вопросах старой синологии, а для нас — вопросах культурной революции Китая — еще наиболее крепки позиции старых буржуазных ученых.

II

Марксизм еще только приступает к изучению китайского языка. Разумеется, что мы изучаем китайский язык не для услаждения себя своеобразными красотами китайского стиля, а изучаем его как орудие для освоения всей совокупности китайских проблем, ключом к которым являются китайские источники, как орудие, приближающее нас к живому Китаю, и как орудие воздействия на тот же язык, ибо марксизм во всех областях стремится не только к познанию, но и к перестройке мира.

Изучение китайского языка находится всецело в руках буржуазной науки. В наших вузах идет борьба за новые методы в изучении китайского языка, за иные объекты изучения, но нужны еще серьезные бои, чтобы превратить изучение языка в изучение практического орудия для работы из копания в старых конфуцианских классиках, вызубривая которые студент, оканчивающий советский вуз, не знает, как будет по-китайски «пролетариат». Современный китайский язык — язык страны, переживающей величайшую революцию, уже не тот, что был десятки лет назад, но для буржуазной науки есть только древний язык, радующий глаз консервативного ученого своей мертвой закоряченностью. В Китае на повестке дня стоит создание фонетического письма, которое сметет и уже сметает иероглифику, но буржуазная синология отворачивается от всего нового, что растет в Китае, и как в других, так и в этом вопросе бережно охраняет все старое и торжествует при неудачах, постигающих борьбу за новый Китай. В одной из статей о современном Китае проф. Алексеев, с ревнивой страстью отыскивающий зерна консерватизма, так комментирует попытки введения в Китае алфавитного письма: «Новый алфавит... в десятках номеров просмотренных мною газет встретился мне всего раз — в пропаганде самого алфавита... Таким образом и это наиболее сильное из всех идейных начинаний... жизнью и дейст-

вительностью пока не воспринято. Иероглифика торжествует как многотысячелетняя традиция, и — с моей точки зрения — как высшая форма человеческой письменности вообще»¹. Торжествовать вместе с торжеством реакции — удел, незавидный для советского ученого!

Но подобный взгляд на китайскую иероглифику — архаичный пережиток феодальной древности, символ векового рабства и бескультурья китайских масс, — взгляд на иероглифику как на высшую форму человеческой письменности является огромным препятствием для правильного понимания проблемы китайского языка, со всей резкостью обнаружившимся в дискуссии о латинизации письменности. Проблема латинизации, создания фонетического письма для бесписьменных, по существу, китайских трудящихся, была поставлена на повестку дня самой китайской революцией, вызвавшей к сознательной жизни миллионные массы, выдвинута как ближайшая задача перед товарищами, работающими в области языкознания. В этом вопросе столкнулись две системы мировоззрений, и надо признаться, что буржуазная методология в первый период борьбы вышла победительницей, ибо многие из товарищей, которые должны были бы бороться против нее, стали на позиции, враждебные марксизму. Дискуссия о латинизации наглядно показала, насколько сильно буржуазное влияние в вопросах изучения китайской филологии. Уже не говоря о возражениях, сводящихся к прямому служению классовым врагам, о ненужности латинизации, ее невозможности, несвоевременности и т. п., в самом подходе к языку со всей резкостью сказалась зависимость от буржуазной методологии в вопросах языкознания. Язык рассматривался как государственное целое, иероглифика — как средство объединения Китая, и в стремлении создания фонетического письма усматривалась якобы реакционная попытка расчленения, децентрализации Китая, причем совершенно игнорировалась классовая принадлежность письменности, забывалось, что письменность объединяет господствующие классы Китая, а не китайских трудящихся. Забылся основной завет Ленина о языке, не устававшего повторять, что «государственный язык — палка», что этой палкой пользуется «всякий буржуазный национализм, не только русский, но и всякий иной». Забылось, что ратовать за единый государственный язык и противопоставлять его местным языкам, для которых фонетическое письмо явится орудием культурного и политического роста, значит лить воду на мельницу врага, а не содействовать культурному и политическому подъему масс.

Все доводы против латинизации, кратко суммированные здесь, не являются прошедшим этапом: борьба за марксистское понимание китайского языка только начинается, и если марксистское языкознание в своем целом только начинает осваивать первые позиции, то его китайский участок еще не освоен вовсе. В этой области перед нами стоит задача скорейшего преодоления буржуазного языкознания, которое в изучении китайского языка создало совершенно неверное, извращенное и политически вредное представление.

1. Под «китайским языком» буржуазная наука понимает лишь один из китайских языков — пекинский язык как язык, господствующий по линии социальной

¹ Восток, № 2, 1923, с. 107—108.

(мандаринат — мандаринский язык) и по линии территориальной (Пекин — административный центр). Между тем пекинский язык (или как принято называть его в буржуазной науке — диалект) есть один из многих языков, существующих в Китае наряду с кантонским, шанхайским, фуцзяньским и др. Это ложное представление о языке как о языке «государственном» особенно вредно именно сейчас, когда стоит вопрос о создании письменности для каждого из существующих языков (ср. латинизация языков в СССР, украинизация и т. п. в противовес теории о необходимости сохранения русского языка как языка государственного).

2. Основное внимание в изучении «китайского языка» буржуазная наука уделяла изучению китайской письменности и уже через призму письменного языка подходила к разговорному. Отсюда неверная и сугубо вредная теория о моносиллабичности современных разговорных языков Китая и о большом количестве омонимов, что с точки зрения противников латинизации является причиной невозможности создания латинизированного письма. Ближайшей задачей марксистов, изучающих китайский язык, должно явиться изучение разговорных языков (диалектов) и анализ их фонетического строя, который покажет и уже показал в применении к пекинскому языку) всю ложность буржуазной теории.

3. Наряду с этим нужна решительная борьба с возрождаемой в применении к Китаю буржуазной теории о необходимости единого государственного языка. Вчерашние противники латинизации, кричавшие о том, что латинизация раздробит Китай, сегодня формально согласились с необходимостью латинизации, но под этим формальным согласием скрывается прежняя установка, сводящаяся к необходимости сохранения единой письменности и приспособления латинского письма к «единому стандартному государственному пекинскому языку». Так ставят вопрос представители старой профессуры, работающие в СССР, и точно так же ставится вопрос в Китае, где гоминьдановские профессора — либералы, идущие навстречу назревшей потребности, — стремятся создать новую письменность на основе латинского алфавита, но такую, которая объединит все языки «на основе пекинского диалекта», т. е. по сути дела будет таким же обязательным государственным языком, каким был русский язык в царской России. «Позиции либералов, — писал Ленин, — гораздо “культурнее” и “тоньше”. Они отстаивают обязательность государственного языка. Это, мол, необходимо в интересах “культуры”, в интересах “единой”, “неделимой” России и т. д.». Такова классовая сущность требования государственного языка и таков реальный смысл нынешней позиции буржуазной синологии о «едином» языке в Китае. А «марксисты, — продолжал Ленин, — говорят: необходимо отсутствие обязательного государственного языка»¹, «социал-демократы отвергают «государственный язык»².

Так ставил Ленин вопрос о языке в России. Применимо ли это его положение к Китаю? И снова, чтобы ответить на этот вопрос и понять, что совершенно так же должен ставиться вопрос и в Китае, надо прежде всего разоблачить буржу-

---

¹ Ленин. Нужен ли обязательный государственный язык? Т. XIX, с. 82—83.

² Ленин. Тезисы по национальному вопросу. Т. XX, ч. 1, с. 416.

азное представление о Китае как о «едином монолите 400-миллионной массы китайцев», ибо при таком понимании вообще чудно бы казалось ставить вопрос о национальном самоопределении, о местных и государственных языках и т. п.

4. Нужно разоблачить буржуазное понимание национального вопроса в Китае как вопроса, сводящегося исключительно к вопросам Монголии, Маньчжурии, Тибета. Не только в этом суть национального вопроса в Китае. И в Китае в области национального вопроса сущность буржуазного понимания «состоит в стремлении обойти различия языка, культуры, быта»¹. Буржуазная наука представляла Китай как единую — в отличие, например, от России — страну с единым национальным составом населения. Отсюда — и единый язык, единая культура, единый быт и ненужность, разумеется, самой постановки национального вопроса. А между тем национальный вопрос в Китае играет неменьшую роль, чем в России. Уже не говоря о маньчжурах, тибетцах, монголах, дунганах, которые населяют территории, не входящие в состав «собственно Китая», и в собственно Китае имеется колоссальное количество народностей, совершенно не изученных ни европейскими, ни китайскими учеными. Племена хакка, лоло, мяоцзы, яо, ицзя и десятки других, составляющие, по самым приблизительным подсчетам, несколько миллионов населения, говорят на своих языках, имеют свою культуру и свой быт.

Больше того, при теперешней отсталости и придавленности масс в процессе революции может выявиться и разрешиться вопрос о том, что при огромном различии в языке, культуре и быте не отличается ли кантонец от пекинца, фуцзянец от нанкинца, и т. д. в такой же мере, как великоросс от украинца или белоруса. И естественно, что для лингвистов в первую очередь должен стать вопрос об изучении национальных языков Китая.

Таким образом, от правильной постановки марксистского изучения китайского языка зависит правильное разрешение больших политических вопросов, и перед нами стоит задача решительного отвоевания позиций у старой буржуазной науки, которая и в наших условиях объективно служит интересам классового врага.

III

Не менее остро стоит вопрос отвоевания позиций буржуазной науки и в изучении китайской литературы. Являясь наиболее сильным участком буржуазного фронта в «китаеведении», изучение китайской литературы есть наиболее слабый участок марксистского литературоведения. До сих пор марксизм не приступал к изучению китайской литературы, и до сих пор все, что пишется у нас о литературе, исходит от буржуазных ученых.

Буржуазная синология, наметившая обширную программу изучения китайской литературы, «литературы, служащей только прекрасному и в этом служении считающей все остальное изменчивым и второстепенным» (Алексеев), в основном ограничивается изучением старой литературы. Нового, живого творчества для нее почти не существует, ибо новая китайская литература говорит о той же

¹ Сталин. Отчет XVI съезду ВКП(б), с. 81.

революции, от которой так старательно прячутся ученые «синологи» в красоты древней лирики. Выступая с программой изучения китайской литературы, деятели этой «школы» синологии стремятся к служению этому «прекрасному».

«Мы призываем, — писал проф. Алексеев, — русских Китаеведов к выполнению огромной культурной миссии перед русским читателем, который всегда славился своим смирением перед чужим величием и всегда желал искренно и любовно слиться с экзотикой».

Как бы боясь, что «русский читатель» будет несколько опешен подобной характеристикой, проф. Алексеев спешит пояснить свою мысль и заявляет: «Конечно, не к толпе обращаем мы свою литературную пропаганду»¹.

И конечно, «толпа» прекрасно понимает, что это адресовано не к ней. Но если подобная «чистая» наука в своей буржуазной «чистоте» может вызвать только досаду (или возмущение), естественную при виде отрыва известной части советских ученых от нужд нашей действительности (а иногда и прямого служения классовому врагу), то совершенно иначе следует подойти к той части представителей буржуазной синологии, которые прикрываются марксистской терминологией, стараются подделаться под господствующее мировоззрение, облекая ту же прежнюю синологию, по всем своим установкам враждебную марксизму, в форму, внешне претендующую на название «марксистской». Это псевдомарксистское крыло буржуазной синологии является особо опасным в наших условиях, где благодаря отсутствию настоящих марксистских работ по вопросам китайской литературы, философии, языка эта литература иногда «имеет хождение» наряду с марксистской. Это глубоко чуждое марксизму псевдомарксистское крыло буржуазной синологии весьма ловко оперирует «производственными отношениями», «базисом и надстройкой», «торговым капиталом» и т. п. марксистскими терминами, рассчитанными в этих работах, конечно, лишь на внешний «эффект». Но надо сказать, что эффект оказывает свое действие, и какая-нибудь статья, по сути дела повторяющая факты и оценки, рассказанные и данные каким-либо миссионером-синологом, но подкрашенная «марксистскими словесами», принимается и печатается как новейшее исследование. Как на анекдотические примеры такого «марксизма», можно указать на труды проф. Иванова², к сожалению, еще не перестающего фигурировать в качестве «крупного Китаеведа» и лишь недавно прекратившего свое «марксистское» существование в органах Комакадемии доц. Б. Васильева и др.

Сравнительно недавно в журн. «Вестник иностранной литературы» появилась статья Б. Васильева³. «Китайская литература», посвященная древней литературе и претендующая, по-видимому, на новое освещение старых вопросов

---

¹ Сб. «Литература Востока», ГИЗ, 1920, с. 35—36.

² Очевидно, Алексей Иванович Иванов (1878—1937) — российский и советский Китаевед и тангутолог, доктор литературоведения, 8 октября 1937 года Военной коллегией Верховного суда приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. — *Прим. ред.*

³ Борис Александрович Васильев (1899—1938) советский Китаевед, филолог, ученик В.М. Алексеева. В 1937 году арестован и приговорен к расстрелу по обвинению в шпионаже в пользу Японии. Реабилитирован Военным трибуналом Ленинградского военного округа 4 ноября 1957 года. — *Прим. ред.*

(ибо иначе трудно объяснять появление статьи, повторяющей общеизвестные факты из истории китайской литературы, достаточно освещенные в старых трудах акад. В.П. Васильева (однофамильца)¹, Грубэ² и др.). В этой статье автор усилительно «подглядывает» экономическую базу и старое традиционное для буржуазной науки понимание обильно сдабривает марксистской терминологией.

«Переходя к эпохе Первой империи, — пишет Б. Васильев, — явившейся началом развития торгового капитала (!) и внешнеполитической экспансии, мы должны характеризовать этот период как колыбель стилистической литературы (?)»³.

Говоря о древней литературе, автор заявляет, «что деление литературы на “народную” и “придворную” появилось в эпоху конца Второй империи, в X в. нашей эры, вместе с развитием торгового капитала (!) и переходом гегемонии от родовой аристократии к городскому сословию»⁴. И так на протяжении всей статьи, везде, где появляется что-либо новое в литературе, выплывает всемогущий «торговый капитал», который в один момент определяет всяческие изменения в мотивах, жанрах и стилях.

О том же, насколько даже сами термины понятны автору, можно судить хотя бы по пониманию автором класса и классовой литературы. «В своем историческом существовании, — пишет Б. Васильев, — резко делясь на две части: стилистическую — классовую и фабульную — народную, китайская литература шла по линии господствующего состояния литературы стилистической»⁵(!). Таким образом «класс» противопоставляется «народу», а классовая литература — народной. Таков «марксизм» буржуазной синологии! Такие «марксисты» низводят марксизм до пустого шаблона, превращая глубокосодержательные понятия в пустые фразы, украшающие подчас халтурную статью: они не понимают и не хотят понять того, что пишут, претендуя на «классовый анализ», ибо при добросовестном желании самое элементарное знакомство с марксистской политграммотой должно бы подсказать, что между гегемонией родовой аристократии и городского сословия лежит целая эпоха, именуемая феодализмом, что всякая литература социально обусловлена и что «класс» не противопоставляется «народу» и т. д., и т. п. Ведь нужно жить на необитаемом острове, чтобы после всех дискуссий и споров о китайской истории, шедших в последние годы, давать такое введение к историческому очерку о китайской литературе.

«Руководясь соображениями развития политических форм, хозяйственных соотношений и роста культурных достижений в исторической жизни Китая, этот

¹ Василий Павлович Васильев (1818—1900) — русский китаевед, буддолог и санскритолог. Академик Петербургской Академии наук. — *Прим. ред.*

² Вильгельм Гансович Грубе (Wilhelm Grube, 1855—1908) — русский и немецкий учёный филолог и этнограф, синолог и тангусо-маньчжуровед. — *Прим. ред.*

³ Вестник иностранной литературы. № 1, 1930, с. 151.

⁴ Там же, с. 150.

⁵ Там же, с. 155. Но любопытнее всего, что эта новая классификация противопоставляется старой (!) классификации китайских ученых, которые «предпочитают, — как сообщает в примечании Б. Васильев, — оперировать названиями: литература аристократическая и демократическая».

исторический путь его можно разбить схематически на 9 периодов: дофеодальный, феодальный, Первой империи (Цинь и Хань), средних веков, Второй империи (Суй, Тан и Сун), монголов, минского декаданса, маньчжурского абсолютизма и послереволюционный»¹.

Какой принцип положен в основу классификации периодов, догадаться весьма трудно, но столь же трудно поверить, что автор руководился хозяйственными соотношениями. Мы спорили о том (с чэньдусюистами, например), пришла ли к власти китайская буржуазия и в состоянии ли она разрешить противоречия феодального Китая, а Б. Васильев утверждает, что феодализм благополучно закончился уже 23 века тому назад (до Первой империи — III в. до нашей эры) и что буржуазия («городское сословие») получила власть уже в X веке.

Так сквозь пелену марксистской терминологии ярко просвечивает идеалистическая сущность буржуазной синологии, которая сказывается в самом подходе к китайской литературе, в самой классификации и периодизации литературы и, наконец, в отдельных оценках того или иного литературного явления. Вопрос о зарождении китайской драмы и романа, совпадшем со вторжением в Китай монголов (вопрос сложный и требующий, разумеется, серьезного анализа), с точки зрения того же Васильева разрешается весьма просто, но просто с точки зрения откровенного идеализма:

«Монголы в XIII в., овладевшие территорией Китая, хотя и поддались нивелирующей силе китайской культуры, но их демократический дух, меньше считавшийся с конфуцианской традицией, позволил развиваться двум новым литературным жанрам: драме и роману»².

В этом случае «хозяйственные соотношения» уже откинута в сторону, и вместо того, чтобы проследить влияние монгольского завоевания на китайскую экономику, на привнесение в замкнутый феодальный Китай новых явлений в связи с расширением внешних связей и т. п., получивших свое отражение в новых литературных формах, — автор, претендующий на «марксистский анализ», возвращается к более свойственному оружию — «духу» монголов, противопоставившему себя «китайской культуре».

Но особо вредной и требующей самого решительного отпора эта псевдомарксистская синология выступает там, где дело идет о современной китайской литературе. За последние годы в Китае растет и зреет литература большой революционной значимости, нарождается пролетарская литература, которая должна бы встретить у нас должную оценку. И когда в наших статьях, журналах и книгах от лица китайских революционных писателей выступают буржуазные ученые, дающие искаженное представление о действительности, ложно и политически вредно ориентирующие советского читателя в вопросах культурной революции Китая, марксистское литературоведение должно стать на защиту близкой нам революционной литературы Китая. В этой области перед нами стоят большие задачи по анализу и критической переработке огромного литературного наследия революционных лет, теоретической помощи революционной и пролетарской лите-

---

¹ Там же, с. 149.

² Вестник иностранной литературы, № 1, 1930. С. 153.

ратуре, которая вправе ждать этой помощи, которая ищет своих путей впотьмах, но которая могла бы облегчить трудную работу идеологического воспитания масс, восполняя наш опыт, помноженный на родственную идеологическую борьбу ее китайской, пролетарской литературы. Но как ни печально, до сих пор марксизм не подошел к изучению китайской литературы, а буржуазные псевдомарксистские учёные и критики, монополюно «владея» китайской литературой, ложно и политически вредно, повторяем, представляют ее в нашей печати.

В той же статье Б. Васильева мы читаем такую, глубоко неверную оценку современной китайской литературы (причем и эта «современность» уже является вчерашним днем, ибо статья заканчивается очерком литературы 1923—1925 гг.):

«Творчество китайской литературы послереволюционного периода пошло по двум линиям: эстетической и утилитарной. Эстетическое направление в лице неоромантиков, сгруппировавшихся вокруг шанхайского журн. «Творчество», поставило своим девизом искусство для искусства... Лидером этой литературной школы явился писатель Го Мо-жо. Не являясь решающим фактором в деле создания новой литературы, эстетическое направление обогатило литературу современного Китая новыми приемами, мотивами, неологизмами...»¹.

Дать такую оценку Го Мо-жо и объединению «Творчество» — значит смазать всю литературную революцию Китая, все колоссальные сдвиги в идеологии китайской революционной интеллигенции, которые происходили и происходят в Китае и которые отражались в первую очередь в этом литературном объединении. Ведь именно Го Мо-жо — коммунист и один из первых борцов за пролетарскую литературу в Китае — выдвинул лозунг «Искусство в народные массы», призывал китайских писателей «идти на фабрики, заводы, в гущу рабочих масс, чтобы создать реалистическую литературу пролетарского социализма», ведь именно журнал «Творчество» был идеологическим проводником советских влияний в Китае, печатая лучшие образцы советской литературы, знакомя китайского читателя с культурными достижениями Советского Союза и участь у СССР строить новую революционную литературу.

Конечно, китайская литература может быть понята только при условии понимания классовых соотношений в Китае, понимания китайской революции, породившей новую литературу. И наоборот, в известной степени китайская литература как идеологическая форма является побочным орудием познания процессов, происходящих в социальном организме Китая. Современная литература Китая, пережившая свои этапы развития — от единого фронта буржуазных и мелкобуржуазных писателей с зародышами пролетарской литературы против феодальной литературы, — через период реакции, расколовшей «единый фронт» и загнавшей мелкобуржуазных писателей в тупик эротизма и санинщины, сейчас снова становится на революционный путь и требует правильной и серьезной оценки. Объединение писателей «левого фронта» ведет успешную борьбу против реакции не только в узкотеретических вопросах творчества, но и в общих вопросах борьбы за новый Китай. Лучшие представители мелкобуржуазных писателей в ногу с пролетариатом идут к новому революционному подъему, и одним из лозунгов

¹ Вестник иностранной литературы, № 1, 1930, с. 154.

левого объединения писателей является помощь в организации съезда китайских советов. И ядром этого объединения являются писатели из журн. «Творчество», всю заслугу которых в нашей советской печати сводят к созданию неологизмов.

Изучение китайской литературы может и должно помочь нам в понимании процессов поведения и революционизирования китайской интеллигенции, которая снова подходит к подымающемуся пролетариату, порывая с гоминьдановской реакцией (ярким примером чему помимо десятков других может служить приход в революционное объединение «аполитичного» Лу Сюня¹), но, разумеется, это возможно только при условии марксистского изучения. Мы не можем и не должны довольствоваться тем, что преподносят нам буржуазные профессора при изучении Танских эссе и романов XII века, как «дань времени» уделяющие свое внимание и современной литературе.

Такую «дань» принес недавно и проф. Иванов, поместивший в «Революционном Востоке» статью «Новое в современной китайской литературе». В излишнем усердии найти пролетарскую литературу в Китае проф. Иванов выдал советскому читателю за пролетарскую литературу откровенно реакционное буржуазное творчество писателей, группирующихся вокруг гоминьдановских журналов «Новолуние» (Синьюэ), «Солнце» (Тайян) и др. «Мы имеем начало (!) классовой (!) литературы», пишет проф. Иванов, полагая, по-видимому, вслед за доц. Васильевым, что есть «классовая» литература (только сейчас начинается!), а есть бесклассовая, «народная». В дальнейшем изложении, однако, становится ясным, что мы имеем начало классовой «пролетарской» литературы. Описывая содержание одного из гоминьдановских журналов (принятого профессором за пролетарские), проф. Иванов пишет:

«Наиболее выдержан с точки зрения классовой (?) рассказ под заглавием “Мм”. Молчаливый (откуда и заглавие “Мм”) китайский крестьянин, с недоверием относившийся ко всем хорошим словам различных агитаторов и замкнувшийся всецело в себя, поднимается во весь рост, услышав призыв к борьбе с помещиками; но наступает перелом: и его заклятый враг оказывается вновь у власти. Старик снова замолкает»².

С точки зрения какого класса «наиболее выдержан» этот рассказ? Даже на основе краткого содержания, рассказанного проф. Ивановым, можно быть уверенным, что рассказ выдержан не с точки зрения пролетариата, а если прибавить к этому то, что не договорил проф. Иванов, что описываемый журнал отражает реакционные, реформистские стремления гоминьдана, то картина получается совершенно обратная.

Можно привести десятки других примеров живучести буржуазной синологии, но вопрос, разумеется, не сводится к количеству таких работ. В данной статье мы остановились лишь на «собственно» синологии — на изучении китайского языка и литературы, не говоря о буржуазных трудах и их влиянии на марксистское изучение китайской экономики, китайской истории, где наиболее сильны

---

¹ Устоявшееся русское написание — Лу Синь (鲁迅, 1881—1936) — известный китайский писатель. — *Прим. ред.*

² Революционный Восток, № 6, 1929, с. 151—155.

эти влияния, китайской философии и т. д. Но и без этого ясно, что буржуазная синология еще существует, во многих областях она еще является господствующей, и по многим вопросам борьба с ней еще не начиналась. Главные бои еще впереди, но, борясь с откровенно враждебной нам синологией, с ее псевдомарксистским крылом и с буржуазным влиянием в нашей науке, мы должны с особой резкостью подчеркнуть необходимость решительной борьбы с правооппортунистическим примиренчеством к буржуазным тенденциям, с боязнью и нежеланием выступить против «авторитетов», ибо в научной области вообще и на таком далеком участке научного фронта, как «китаеведение» и «востоковедение», особо пышным цветом процветает это оппортунистическое примиренческое отношение к открытому идеологическому врагу и к ошибкам наших товарищей, скатывающихся на путь буржуазной методологии.

Вместе с тем общее обострение классовой борьбы в стране и размежевание классовых сил на идеологическом фронте со всей резкостью ставит вопрос перед каждым из представителей «аполитичной» синологии о его дальнейшем пути, о дальнейшей работе и участии в социалистическом строительстве. Если во многих других областях многие представители старого ученого мира уже сумели определить свое отношение к борьбе и, честно признав ошибочность своей прежней «аполитичности», встали в общую шеренгу участников социалистического строительства, то далекая область востоковедной науки еще мертва и безучастна. Нужно понять, что ученые трактаты о «бессмертных двойниках» и «богах богатства» сейчас не нужны, что «чистой науки» нет и не может быть и что настоящее и нужное китаеведение растет не из «даосов с золотыми жабами». Есть ряд актуальных проблем, в разрешении которых старая синология может принять участие.

Конкретные задачи, которые выдвигает китайская революция перед научным языкознанием и филологией и на службу которым могут стать лучшие представители старой науки, работающие в Советском Союзе и желающие идти в ногу с советской общественностью, сводятся к изучению китайского языка и литературы как идеологической формы современного китайского общества, переживающего величайшую революцию. В области китайского языкознания научно-исследовательская работа должна пойти главным образом по линии изучения китайских «диалектов» — китайских разговорных языков — как части национального вопроса в Китае и как базы для создания латинизированной письменности для отдельных языков. В области изучения китайской литературы нужно начать перевод лучших произведений современной пролетарской революционной литературы, на основе чего марксистское литературоведение сможет дать марксистско-ленинский анализ художественного творчества современного Китая, который поможет китайским революционным и пролетарским писателям стать действительными революционными борцами на литературном фронте.

На службу этим новым задачам «синологии» — задачам культурной революции Китая — могут стать лучшие представители старой науки, и надо думать, что они станут наконец в ряды строителей новой науки, на службу новым задачам, выдвигаемым самой жизнью, самим живым Китаем вслед за многими учеными, уже принявшими участие в социалистической стройке по другим научным дисциплинам.